

Э. В. Малыгина

Алтайский государственный университет, Барнаул

**Лингвоэвокационное исследование
кризисной межперсонажной коммуникации
в текстах рассказов В. М. Шукшина «третьего» периода**

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах позднего творчества В. М. Шукшина посредством эвокационных приемов. Под эвокационным приемом понимается способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации. Рассматриваются следующие эвокационные приемы, позволяющие читателю установить кризисогенность «сшибки»: прием нелестной номинации, прием обобщения, прием прерывания речи и прием смещения. Эвокационные приемы в рассказах В. М. Шукшина обладают следующими особенностями: во-первых, они рождаются в эстетике писателя (размышления о категории доброты, раскрытие через героя правды времени, изображение «живого человека», исследование души человеческой); во-вторых, названные приемы изображают разные аспекты «сшибки» (отсутствие доброты, коммуникативная поляризация героев, насильственное лишение Другого слова и дезоптимизация взаимодействия персонажей).

The paper deals with the study of crisis intercharacter communication by means of evocational methods in the latest stories by V. M. Shukshin. The evocational method is considered as the way of transforming an evocation object into an evocation product. Study is made of the following evocational methods permitting the reader to determine the crisis potential of «fisticuffs»: uncomplimentary nomination, generalization, interruption of speech, and displacement. The evocational methods in the stories by V. M. Shukshin have the following characteristics: firstly, they are generated by Shukshin's aesthetics (reflections on the category of kindness, revelation of the truth of time through a character, depiction of a «vivid personality», and study of a human soul); secondly, the mentioned methods represent different aspects of «fisticuffs» such as lack of kindness, communicative polarization of characters, forcible denying of another person's right to speak, and disoptimization of characters' intercommunication.

Ключевые слова: лингвистическая эвокация, эвокационный прием, межперсонажная «сшибка», кризисная коммуникация, эстетика В. М. Шукшина.

Linguistic evocation, evocational method, intercharacters' «fisticuffs», crisis communication, V. M. Shukshin's aesthetics.

УДК 82-929

Контактная информация: ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049; +7 (385 2) 36 63 84; chuvakin@inbox.ru

Исследование посвящено проблеме изучения функциональной особенности эвокационных приемов, посредством которых воспроизводится кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В. М. Шукшина «третьего» периода.

Изучение феномена кризисной коммуникации в малой прозе В. М. Шукшина осуществляется посредством обращения к понятию «сшибка», которое было рождено в эстетике писателя. В. М. Шукшин вводит это понятие в связи с размышлениями об идейной особенности рассказа «Верую!» в статье «Я родом из деревни»: «Но мне нравятся крайние ситуации. Для того чтобы извлечь искру, надо ударить два камня друг об друга. Мне нравится вот эта сшибка совсем полярных каких-то вещей. В рассказе “Верую” мне показалось заманчивым вот столкнуть некие представления о жизни, совсем разные» [Шукшин, 1979а, с. 246]. Понимание «сшибки» писатель развивает в статье «Если бы знать...»: «Свести бы людей в такой ситуации, где бы решались вопросы бытия, правды» [Шукшин, 1979б, с. 265]. Это понятие является важнейшим в поэтике малой прозы В. М. Шукшина. Лингвоэвокационный подход к проблеме изучения межперсонажной «сшибки» позволяет установить ее кризисогенный характер.

В современных исследованиях эвокация понимается как «внутренняя составляющая коммуникативной деятельности (как единства человека говорящего и человека слушающего) homo loquens, отвечающая за задачу конструирования действительности (в том числе и выраженной в знаках) в тексте, в результате чего рождается текстовая действительность» [Чувакин и др., 2011, с. 108].

В ходе ранее проведенных исследований (см.: [Малыгина, 2010; 2013а; 2013б]) установлено, что «сшибка» как форма кризисной коммуникации – это «такое деструктивное и антидиалогическое взаимодействие персонажей, результатом которого становится состояние коммуникативного «тупика», т. е. неспособности существующей модели коммуникации быть эффективной и оптимальной» [Малыгина, 2013б, с. 3]. Лингвоэвокационное изучение феномена кризисной коммуникации в прозе писателя открывает возможность обнаружить компоненты деятельности преобразования объекта эвокации (акта кризисной коммуникации в реальной речевой сфере) в продукт эвокации (текстовый фрагмент, в котором воспроизведены сигналы кризисного межперсонажного взаимодействия) с помощью средств вербальной и невербальной коммуникации.

Центральное место в деятельности воспроизведения принадлежит эвокационному приему, под которым понимается способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации. Установлено четыре эвокационных приема (прием нелепости номинации, прием обобщения, прием прерывания речи и прием смещения), квалификация которых подробно представлена в следующих работах: [Малыгина, 2010; 2012; 2013б] и др.

Выбор рассказов «третьего» периода (1969–1974 гг.) в качестве материала исследования обусловлен, во-первых, тем, что названный период, в соответствии с учением А. И. Куляпина, характеризуется повышенной семиотичностью текстов малой прозы Шукшина. Это позволяет выявить в текстах позднего творчества писателя смысловую многослойность, что отвечает механизму лингвоэвокационной методики: установить не только приемы и средства воспроизведения продукта, но и его дополнительное смысловое преобразование.

Во-вторых, в рассказах «третьего» периода, по мысли С. М. Козловой, Шукшин изображает ситуации, где «официальное “право”, “закон” сталкиваются в неразрешимой ситуации с человеческой, “божьей”, нравственной мерой и правдой» [Козлова, 2006, с. 33–38]. В рассказах позднего этапа творчества писатель создает регулярные «столкновения» персонажей в системе «человек – власть».

Эвокационный прием, посредством которого исследуется кризисное взаимодействие персонажей, рождается в эстетике В. М. Шукшина и передает разные

аспекты «сшибки» в рассказах «третьего» периода. Раскроем данные особенности эвокационных приемов.

С помощью приема *нелестной номинации* кризисогенный сигнал локализуется в просторечно-бранной, инвективной номинации персонажа персонажем. Грамматически это выражается в использовании писателем формы единственного числа лексемы-номена (*дубина, дурак, трепач, барахло, подворотня чертова*).

Прием нелестной номинации персонажа возникает из идейно-эстетической установки В. М. Шукшина, связанной с пониманием общества будущего. В качестве основного элемента желаемой модели общества в «Послесловии» писателем выдвигается категория доброты: «Я представляю себе общество, где все грамотны, все очень много знают и все изнурительно учтивы. Это хорошо. Но общество, где все добры друг к другу, – это прекрасно. Еще более прекрасно, наверно, когда все и добры и образованны, но это – впереди» [Шукшин, 1979в, с. 115].

Посредством данного приема воспроизводится отсутствие доброты в межперсонажной «сшибке», которое становится показателем ее кризисогенности.

В рассказе «Вечно недовольный Яковлев» нелестная номинация на смысловом уровне текста раскрывает системно конфликтные взаимоотношения героя с окружающими, что приводит к состоянию «тупика» в процессе социализации Яковлева. Фраза «*скучно жить*» в речевом слое персонажа эксплицирует отсутствие смыслового стержня в его жизненной системе.

Регулярная провокация конфликта посредством нелестных лексем-номенов (*бараны, дурачок, пучеглазая*), коммуникативная тактика стимуляции «сшибки» (*С Яковлевым трудно говорить: как ты с ним ни заговори, он все равно будет сверху*), установка «*клюнуть*» собеседника и «*задеть за живое*» (*Вот и радуйтесь со своей пучеглазой... Сколько настрогали уже?*), пренебрежительное эмоциональное восприятие собеседников (*всех ненавидел*) определяют кризисное бытие героя.

Прием *обобщения* воспроизводит процесс типологизации восприятия персонажем Другого персонажа. Типологизация как коммуникативное явление в текстах прозы основана на результате предшествующих коммуникативных актов. Обобщение в рассказах писателя выражается формами множественного числа именных (*дуры, лахудры, кретины, звонари*), глагольных лексем (*Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим?*) либо дейктических средств (*все они одинаковы, живьем их закапывать надо*). Прием обобщения онтологически обусловлен особенностью понимания В. М. Шукшиным своего героя в статье «Нравственность есть правда»: «Герой нашего времени – это всегда “дурачок”, в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени» [Шукшин, 1979г, с. 77–79]. Поэтому *герой* в рассказах писателя наделяется характеризующей функцией: *он* становится показателем неблагоприятного протекания коммуникативного взаимодействия в случае кризисогенности «сшибки».

Посредством данного приема передается масштабность дистанцирования персонажей в процессе их коммуникативного столкновения.

В рассказе «Генерал Малафейкин» В. М. Шукшин моделирует в «сшибке» коммуникативное неравноправие героев.

Установлено, что феномен лжи в рассказе «Генерал Малафейкин» рассматривается в качестве проявления «тоски по социальной реализации» [Левашова, 1999, с. 278]. В тексте рассказа желание Малафейкина достичь признания собственной личностной значимости подавляется Другим (Мишкой). В речевую партию Мишки писателем вводится лексема *звонари*, приобретающая контекстную негативную коннотацию. Форма множественного числа этой лексемы определяет отнесение персонажа к определенному классу (люди, способные исказить реальные факты).

Установка Мишки «*вывести на чистую воду этого прохвоста*», «*допечь*» Другого раскрывает нетерпимость одного из коммуникантов к Другому.

Моральное подавление человека, который подвергается преследованию, позволяет читателю установить факт тотального неблагополучия коммуникативных процессов в условиях доминирования «правды» отдельного индивида (Мишки). Прием обобщения передается расчеловечивание общественных отношений, которое сопровождается неравноправием героев в коммуникативном отношении: агрессор (Мишка) и «жертва» (Малафейкин). В рассказе «Генерал Малафейкин» правом на слово наделяется только герой-агрессор.

Посредством приема прерывания речи кризисоген транслируется в диалогических партиях персонажей в прерванных синтаксических конструкциях, характерных для эгоцентрических речевых жанров (конфликт, манипулирование, провокация). Данный прием обусловлен задачей писателя изобразить не «глянцевого манекена», а «живого человека», которая формулируется в связи с осмыслением проблемы героя малой прозы. Перенесение процесса прерывания речи в текстовую действительность позволяет автору смоделировать особенности акта реального взаимодействия людей, для которого характерны сложные и комплексные речевые процессы (молчание, перебивание, вопрос, выкрикивание и др.).

Прием прерывания речи позволяет читателю установить в «сшибке» насильственное лишение Другого слова:

– *Да нет, я же не насчет суда – дело-то теперь прошлое. Я думал, ребята-тишкам-то можно отвезти... А что? Это ж не деньги, деньги я бы...*

– *Да не надо! Вон отсюда! – Судья повернулся и сам вышел. И крепко хлопнул дверью...* («Суд»).

Включение синтаксических конструкций с прерванной речью (*Сальца ребята-тишкам отвезите... / А что? Это ж не деньги, деньги я бы...*) в рассказе «Суд» передает нарушение линейности коммуникативного взаимодействия героев, которая основана на прогнозируемости коммуникативного акта либо коммуникативного действия собеседника. Прогнозируемость речевой и неречевой реакции судьи определяется ситуацией, в которую включена межперсонажная транзакция: пимокат Валиков отправляется к судье, чтобы отблагодарить его за принятие справедливого решения и подарить кусок сала. Конструкция с прерывающей репликой является сигналом неподготовленности Валикова к речевой агрессии судьи, которая не соответствует ситуации выражения благодарности. Резким обрыванием речи (*Да не надо! Вон отсюда!*) воспроизводится монополия представителя Власти на межличностную коммуникацию, так как «прерывающая реплика» признается «всегда семантически весомей прерываемой» [Чумаков, 1975, с. 156]. На сюжетно-смысловом уровне произведения прерывание речи создает эффект незавершенности коммуникации.

Лишение собеседника права на слово и прекращение взаимодействия с ним (*Судья повернулся и сам вышел. И крепко хлопнул дверью*) являются показателями неравнозначности коммуникативного потенциала героев в системе «человек – власть». Неравнозначность коммуникативных ролей персонажей обуславливается несоблюдением принципа диалогизма. Результатом «сшибки» является изображаемый В. М. Шукшиным однонаправленный коммуникативный процесс, в ходе которого один из участников приобретает статус субъекта коммуникации, второй – объекта коммуникации.

Приемом смещения воспроизводится реакция персонажей на «сшибку», которая транслируется в тексте во внутренней монологической речи персонажа. Семантико-грамматическим маркером приема смещения является аппликативный речевой слой, в котором передается взаимовлияние авторского и персонажного слова. Прием смещения появляется из установки писателя обратить внимание искусства на исследование «души человеческой». Поэтому В. М. Шукшин до-

вольно часто обращается к приему внутренней либо несобственно-прямой речи при решении поставленной задачи.

«Когда я проходил мимо женщины-вахтера, я услышал ее недоброе обещание: “Я тебе это запомню”. И сказано это было с такой проникновенной злобой, с такой глубокой, с такой истинной злобой!.. Тут со мной что-то случилось: меня стало мелко всего трести...»

Это правда. Не знаю, что такое там со мной случилось, но я вдруг почувствовал, что – все, конец («Кляуза»).

Посредством приема смещения в «сшибке» эксплицируется ситуация тотальной дезоптимизации взаимодействия персонажей.

В тексте рассказа «Кляуза» центральной сюжетобразующей ситуацией является конфликт пациента с женщиной-вахтером. Инициация конфликта раскрывается в монологической речи персонажа посредством характеристики невербального поведения героини (*И сказано это было с такой проникновенной злобой, с такой глубокой, с такой истинной злобой!..*). Речевая манера женщины-вахтера позволяет читателю установить проблему отсутствия гуманности как социального регулятора.

В текст *кляузы* автор включает размышления героя-рассказчика о произошедшей «сшибке». Кризисогенность «сшибки» передается эстетической категорией трагического, которая определяется героем рассказа «Кляуза» через понятие «конец» (*Не знаю, что такое там со мной случилось, но я вдруг почувствовал, что – все, конец. Какой «конец», чему «конец» – не пойму, не знаю и теперь, но предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое. Не смерть же, в самом деле, я почувствовал – не ее приближение, но какой-то КО-НЕЦ...*).

Описание неречевого действия женщины-вахтера завершается речевой репликой героя (*Я тогда повернулся к НЕЙ и сказал: «Ты же не человек»*). Адресованное женщине-вахтеру высказывание позволяет читателю установить еще одну смысловую доминанту текста: прогрессирование социального зла, которое создается посредством жанра оскорбления коммуниканта в моделируемой писателем текстовой действительности. По замечанию Л. А. Кошей, «выражение “Ты не Человек” является для Шукшина самым сильным оскорблением» [1999].

Как отмечает Л. К. Вальбрит, «герой-рассказчик, действуя в отместку, «пропускает» лицо вахтерши в том смысле, что, наоборот, не пропускает его в мир своего рассказа, то есть тоже действует как своеобразный вахтер» [2007, с. 135]. Таким образом, в исследуемой трансакции героя-рассказчика отличает дезоптимизирующий характер поддержания взаимодействия с женщиной-вахтером и инициация «столкновения».

Бегство героя от ситуации, в которой он приобретает статус обидчика (*Мне на миг самому сделалось страшно, я поскорей отвернулся и побежал догонять своих на лестнице*), не способствует погашению жизнеспособности негуманного отношения к Другому как субъекту коммуникации. Поэтому злоба и умение *отрокинуть* человека как социокоммуникативные явления, изображенные в тексте, составляют симптоматику кризисной формы взаимодействия персонажей.

К кризисному дискурсу отсылает название рассказа «Кляуза». Написать на кого-то «кляузу» есть несоблюдение максимы доброжелательности, установка субъекта преднамеренно навредить Другому.

Таким образом, эвокационные приемы, посредством которых в рассказах позднего творчества писателя воспроизводится кризисогенная межперсонажная «сшибка», отличаются следующие особенности.

Во-первых, эвокационные приемы рождаются в эстетике В. М. Шукшина-писателя: размышления о категории доброты (прием нелестной номинации), раскрытие через героя правды времени (прием обобщения), изображение «живого

человека» (прием прерывания речи), исследование души человеческой (прием смещения).

Во-вторых, лингвоэвокационный прием раскрывает разные грани изображения межперсонажной «сшибки»: отсутствие доброты и толерантности (прием нелестной номинации), коммуникативная поляризация героев (прием обобщения), насильственное лишение Другого слова (прием прерывания речи) и дезоптимизация взаимодействия (прием смещения).

Указанные особенности лингвоэвокационного приема определяют его интегрирующую функцию в процессе осмысления феномена кризисной коммуникации в прозе В. М. Шукшина.

Список литературы

Вальбрит Л. К. Кляуза // Творчество В. М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3. С. 132–136.

Козлова С. М. Поэтика Шукшина. Барнаул, 2006.

Кощей Л. А. Мировоззрение // Творчество В. М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999. С. 35–44.

Левашиова О. Г. «Генерал Малафейкин» // Творчество В. М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999. С. 277–278.

Малыгина Э. В. Кризисная коммуникация в художественном тексте: лингвоэвокационное исследование // Филология и человек. 2010. № 2. С. 120–128.

Малыгина Э. В. Принципы взаимодействия сигналов кризисной межперсонажной коммуникации: лингвоэвокационное исследование (на материале текста рассказа В. М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала») // Филология и человек. 2012. № 2. С. 150–158.

Малыгина Э. В. «Сшибки» как возможное проявление кризисной межперсонажной коммуникации в рассказах В. М. Шукшина: аспекты исследования // Филология и человек. 2013а. № 2. С. 127–132.

Малыгина Э. В. Кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В. М. Шукшина: лингвоэвокационное исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013б. 24 с.

Чувакин А. А., Савочкина Е. А., Широких И. А. Эвокационный подход к исследованию текста // Текст в коммуникативном пространстве современной России: Монография. Барнаул, 2011. С. 105–123.

Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975. 220 с.

Шукишин В. М. «Я родом из деревни». М., 1979а.

Шукишин В. М. «Если бы знать...». М., 1979б.

Шукишин В. М. Послесловие к фильму «Живет такой парень». М., 1979в.

Шукишин В. М. Нравственность есть правда. М., 1979г.